

Появление Пласидо Доминго в «Отелло» Верди на сцене Мариинского театра Санкт-Петербурга в середине февраля 1992 года было изначально «обречено» на сенсационный успех, подobaющие столь редкому, приятно случаю разговора в посвященных кругах и немедленные печатные отклики с выраженным искренним, понятным восторгом по поводу случившегося.

Среди прочего можно было прочесть, что труппа Мариинского театра за один только вечер с великим певцом выросла на голову, что знаменитейшая оперная звезда — еще и великий актер и что на сцене Мариинского театра со времен Шалыпина такого певца не было. Правда, тотчас спрашиваешь себя: а великий Ершов, а Печковский, а Рейзен, наконец, коль скоро повели отсчет от басов? Но тут же себя и успокаиваешь: горячность такая объяснима — спектакль действительно замечательный.

Я-то думаю, что Пласидо Доминго потому и стремился выступить в России, на петербургской марининской сцене, что на этой сцене до него и после него была и будет простекать подлинная, высокая, а в какие-то моменты и действительно великая художественная, театральная, музыкальная и при всем том нравственная жизнь!

И на сцене Мариинского театра, и на сцене московского Большого театра были и будут великие дирижеры, певцы, актеры. Были они здесь и до Шалыпина, и после. Это исторические мировые сцены, и потому для Пласидо Доминго выступление в спектакле «Отелло» на марининской сцене стало событием личной артистической судьбы и, смею думать, событием мировой художественной повседневности. Думаю, что и сравнительно недавно выступление на сцене Большого театра другого знаменитейшего тенора Лучано Паваротти также было событием не только для публики, критики, но и для самого певца, и для мировой гастрольной практики нынешнего времени, невольно и чутко реагирующей на политические, экономические, психологические и духовные моменты человеческого существования в неожиданно и страстно меняющемся мире.

...Когда в оркестре при последнем вздохе покидающего мир Отелло отзвучала завершающая оперу «тема любви», опустился занавес и разошлась восторженная и благодарная публика, наконец, занавес вновь подняли, и Доминго на сцене долго и самозабвенно говорил по-английски телевизионной камере о новых своих партнерах, о дирижере Валерии Гергиеве,

страстного отношения художника к своему искусству и через искусство к самому себе и окружающему миру. Таков Пласидо Доминго.

Сегодняшний музыкальный театр находится в таком состоянии, что без особо страстного отношения к искусству невозможно. Если в сегодняшнем театре не работать, театр погиб-

Что же касается Доминго, то он, конечно, не ждет каких-то похвал в адрес своего голоса. Я же сделаю ему похвалу не за голос. Для меня было очень важно, что по ходу спектакля он, прекрасно понимающий, что все собрался ради него, пришли на него помолиться, он все больше растворялся в сцене, растворялся в реальном ансамбле теат-

Новаторская опера Верди звучала в исполнении оркестра, хора Мариинского театра благородно. И здесь надо воздать должное талантливейшему дирижеру Валерию Гергиеву. За пультом он забывает о себе, его энергия вся устремлена к сцене, к артистам — и в этом вдохновенная преданность музыке.

Мариинский театр сейчас в хорошем рабочем состоянии, и надо перестать без конца στενать по поводу упадка в Большом или Мариинском. Ни там, ни тут состояние дел не хуже того, как могло бы быть. И там, и тут являются какие-то неожиданные: скажем, Гергиев поставил чужд ли не все оперы Прокофьева, в Большом — Б. Покровский — В. Левенталь — А. Лазарев заново поставили «Евгения Онегина». Нам надо больше думать о том, как мы будем жить безотносительно к желанному для нас гастроллям мировых звезд.

...Появление Доминго—Отелло в музыкальной драме позднего Верди под небом Санкт-Петербурга в нынешнем феврале почти день в день совпало с печальной датой гибели Пушкина, случившейся в этом таинственном и прекрасном городе 155 лет назад. Разумеется, связь здесь нет никакой, однако мысль о Пушкине влечет за собою (для нас) еще и другую мысль — о неотвратимых потерях неповторимых людей мира сего.

Как часто приводили их к гибели, в конечном счете, сомнения в том, в чем сомневаться, по сути, нельзя.

Между тем мир сегодня обуреваем тягостными сомнениями, и среди прочего в том, в чем сомневаться нельзя, во всяком случае не следует.

Более ста лет звучит на оперных сценах мира вердиевский шедевр «Отелло». И всякий раз сквозь безысходно прекрасную музыку любви в нем слышится немой укор людям, любому из нас, тем, что есть или будут, терпящим веру не только в Божественное начало, но и веру в другого человека.

Однако верить необходимо — во имя всеобщей жизни во времени, в истории и культуре. Иначе люди перестанут ощущать себя души объемлющим человечеством, а в человечестве не станет истинно людей.

Драма любви, драма семьи — нередко высокая драма. Драма же человечества, сотканная в некотором смысле из множества семейных драм, может обернуться трагедией жизни на Земле.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА.

На снимке: Пласидо Доминго дает автограф своей партнерше Елене Прокиной.

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО. (ИТАР — ТАСС).

Известия. — 1992 — 12 Февр. — с. 7

ДОМИНГО И МЫ.

ПОСЛЕ АПЛОДИСМЕНТОВ...

о своем превосходном «самочувствии» в петербургском спектакле, перенесенном со сцены лондонского театра «Ковент Гарден», где он был поставлен режиссером Илей Мошлински специально «на него» — Пласидо Доминго... Показалось, что по ходу спектакля артист вошел в некое состояние новой свободы и еще продолжает в нем пребывать...

Пласидо Доминго — певец и артист, одаренный редкой способностью принести в мир высокое наслаждение созданию человеческого гения в искусстве. Наслаждение голосом, звуком, совершенно особым состоянием покоящего человека на сцене. При всем трагизме оперы «Отелло» я ощутил наслаждение музыкой и царящими в ней человеческими голосами, среди которых голос Доминго внушал особое волнение.

Испанская сдержанная страстность Доминго и присущая ему совершенная итальянская манера пения в естественном внутреннем соединении с музыкальной культурой и артистическим темпераментом рождает образ

нет. Даже если в нем будут выдающиеся и замечательные артисты. И дирижеры должны работать, и художники, и режиссеры. И ничего не бояться. Например, казалось бы, мало хорошего взять да и перенести чужой спектакль на свою сцену. Однако в этом немало и действительно хорошего. Во-первых, мы узнаем — и не понаслышке — реальный уровень современного европейского музыкального оперного театра. И мы видим очень крепкий в ремесленном отношении уровень режиссуры и понимания произведения. Очень корректный спектакль, в котором я узнал элементы многих виденных до этого постановок «Отелло», в том числе такой великий спектакль, как «Отелло» Вальтера Фельзенштейна в берлинской «Комише опер». Чисто театральная фантазия в этом спектакле немного, но все на месте. Тем более когда есть Доминго.

Я, правда, подумал: а не будет Доминго? Как этот спектакль будет восприниматься? Хорошо, ибо спектакль очень грамотный, очень корректный, и далеко не все наши репертуарные спектакли на таком уровне культуры.

ра и все меньше выделялся, и от этого возвышался в художественном измерении.

Финальная сцена прошла и во все хорошо. Хотя способ удивления Деэдемоны с помощью подушки оказался примитивным... Елена Прокина пела очень хорошо, мела под взглядом Доминго, что никак не мешало ей петь, а, наоборот, даже помогало. Выучила итальянский и пела от души. И вот это самое пение от души меня как русского особенно радовало.

И другие артисты были хороши. Прекрасно, что Доминго приехал, но еще важнее, чтобы у нас были бы спектакли и без Доминго, ибо наше искусство ансамблевое, глубоко выстраданное, оно — искусство потрясения, а не показа и демонстрации.

Очень важно, чтобы после отъезда Доминго наши отечественные Отелло ощущали бы себя на сцене так же свободно, как Доминго. Поэтому приезд такого артиста надо воспринимать не как открытие новых миров. Новые миры уже открыты Станиславским, Немировичем-Данченко, Вальтером Фельзенштейном — всеми великими режиссерами, кто работал в музыкальном театре, и великими певцами.

Доминго по-настоящему волновался оттого, что выступал на исторической сцене. И актеры вокруг него все радовались, что поют в ансамбле с таким мастером. Алексеев — Яго и вовсе хотел его «перепеть». Доминго вдохновлял на соперничество.

Но в чем новаторство такого художника, как Доминго? Новаторство его, на мой взгляд, в том, что, оставаясь традиционным певцом-премьером, он в силу особенностей своего дарования приближает публику к новому постижению оперного дела и к новым представлениям об оперном артисте.